

УДК 82-94

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ (АНАЛИЗ АЛЛЮЗИЙ И ЦИТАТ)

Резник О. В., Чепурина И. В., Шилова Л. В.

*ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: oveznik2005@yandex.ru*

В статье представлена попытка системы аллюзивного ряда автобиографической прозы с точки зрения мировоззренческих доминант. Особое внимание уделяется мемороцентристскому вектору данного сегмента литературы, предложена классификация, в которой в качестве основополагающего концепта рассматривается образ Отца – от Отца Небесного до отца земного. В качестве источников выступают воспоминания самых разных авторов – от священника О. Адриана (Рымаренко) до З. Шаховской, В. Набокова.

Концепт «Рай» соотносится с картинами детства, не находя отражения в реальной, синхронной жизни ни в одном топографическом образе. Отдельно рассматриваются образы «Ноев ковчег», «Голгофа», «Лотова жена», приобретающие в эмигрантском историческом контексте новый смысл. Подвижническая и мученическая позиции представлены наиболее частотно, что дает возможность выделить индивидуальный взгляд каждого из авторов в общей, типичной картине мира.

В статье исследуется также роль религиозных воззрений в формировании эмигрантской картины мира. Отмечается, что для массового варианта обращение к библейским образам было своего рода психологической защитой, поиском совпадений ветхозаветной истории и ситуации в России. И. Бунин, Н. Тэффи и другие в свободных ассоциациях обращаются к библейским образам, при этом доминантой остается этическая сторона веры. Авторы утверждают, что произведениям священников свойствен косвенный автобиографизм, ключевым жанром выступает проповедь.

Ключевые слова: христианские мотивы, мемороцентризм, автобиографическая проза, первая волна русской эмиграции, библейские реминисценции, образ Отца, нравственная опора.

ВВЕДЕНИЕ

Кризисная ситуация эмиграции, раскола повседневной жизни интересна типологическими историческими параллелями, которые характеризуют переломные эпохи, периоды национального детерминанта личности и нации. Идея этической ценности личности, основы ее самоидентификации представлены наиболее ярко в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции. Перед современным исследователем стоит проблема систематизации большого текстуального материала, дифференциации универсальных констант и методологий с целью анализа эмигрантского наследия авторов, которые придерживались разных идеологических принципов, разрабатывали разные темы и стили, но вместе с тем представляли единое русло эмигрантской литературы, объединенное рядом концептуальных понятий и ценностных ориентаций.

Библейские образы, исполненные глубочайшего смысла, в произведениях эмигрантов выражают вечные истины, вступают в личностные ассоциативные связи. Это, во-первых, обусловлено культурой воспитания и обучения того слоя населения, который оказывается в условиях изоляции от родной земли. Во-вторых, именно в

Боге многие из них видят и судьбу всего происходящего, и последнюю надежду на спасение. Подчеркнем, что в автобиографических трудах того или иного деятеля православной культуры личность нарратора неизменно отходит на второй план, так как для него важнее донести идею, а не уделять внимание своей фигуре. Отталкиваясь непосредственно от традиций русской классики, писатели-эмигранты не просто значительно обогащают эти традиции. Перед нами практически новая художественная стратегия, новый мемороцентристский вектор в развитии жанра: человеческая личность, конкретные события обусловлены не только реальной историей, но и бытийной подоплёкой из «мира горнего». Ряд авторов (Т. Г. Мегрелишвили [1], Н. Н. Кознова [2] и др.) рассматривают «сквозные образы» и «вечные темы» данного сегмента литературы, однако не представляют классификации или системы аллюзивного ряда автобиографической прозы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель данной публикации – проанализировать ключевые образы и выделить направления, по которым идет обращение в кризисной ситуации к библейским мотивам в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции.

Автобиографическая проза может трансформироваться в спор или молитву, но о самом авторе в обычном смысле может быть сказано немного. Для мировоззрения большинства религиозных авторов русского зарубежья было характерно переживание личного опыта открытия «истины христианства», его неограниченных гуманистических потенций, позволяющих находить решение любых социальных и персональных проблем в общении с Богом и посредством чтения Священного Писания. В качестве нравственной и художественной доминанты выступает образ Отца Небесного, христианские мотивы. Так, например, о. Адриан (Рымаренко) в своей брошюре «Религиозное состояние эмиграции в Германии» многократно подчеркивает, что он, «немошный из немощных», обращается со словами правды к несчастным братьям-эмигрантам из больничной палаты, не собираясь кого-либо судить: «Я стремлюсь только помочь. Я и помогаю, я и напоминаю нашим братьям-христианам, как пастырь, я и предостерегаю их» [3, с.16]. В этой цитате можно почувствовать именно «отцовское» наставление, в воспоминаниях других священников представлены также яркие образы духовных отцов – например, отца Анатолия у о. Александра Семенова-Тян-Шанского и отца Афанасия у митрополита А. Сурожского.

На противоположном полюсе представлен отцовский дискурс, но в сугубо земном преломлении. Так, говорящие о своем «примитивном всебожии» во «Временах» М. Осоргин или В. Набоков в «Других берегах» одинаково чужды риторическим восклицаниям или обращениям к Отцу небесному, но выражают свое отношение к отцу земному в различных ситуациях. Возможно, такая общность продиктована тем, что отец у каждого был достаточно заметной фигурой в иерархической лестнице социума (отец М. Осоргина был членом окружного суда по уголовному отделению, а отец автора «Других берегов» – известный общественный деятель).

Средний, массовый вариант представлен персоналистским взглядом тех авторов, которые обращаются к небесному Отцу эпизодически, ситуативно, улавливая его проявления или объединяя его с отцом земным типологически. Покаяние, горечь о потерянном доме и заблудившейся душе, тяготение к Богу писатели изображают через прямое цитирование или использование аллюзий на литургические или библейские тексты. Такую позицию можно обозначить как «обыденная вера» или обывательский вариант. В этом плане достаточно показательны слова З. Шаховской: «Моей семье была свойственна безыскусная, «детская» вера. С раннего детства я твердо верю в то, что жизнь есть не что иное, как цепочка чудес, малых или больших, ярких или скромных» [4, с. 154]. Так сама писательница определяет, что ее вера – наивная (детская). Единственная цитата из Священного Писания – о Слове, но это, скорее, о той власти, которую имеет искусство над людьми, чем о Божественной природе творчества. Сопричастность с данным контекстом позволяет автору идентифицировать себя как теурга, создать образ человека рационалистического.

Именно на этом уровне прослеживается бинарность мироощущения эмиграции. С одной стороны, представители первой волны апеллируют к Библии как к тому общему духовному источнику, который позволял почувствовать свою сопричастность культуре и традиционному верованию, активно используют церковно-славянскую лексику, аллюзии из Священного Писания. Библейская лексика и культурный код понимались социумом как обязательный элемент общей коммуникации. Таким образом, для одного полюса эмигрантской парадигмы Библия была предметом рефлексии, константного поиска вечного евангельского смысла, а для массового варианта обращение к библейским образам указывало на определенный уровень культуры нарратора и на значимость происходившего с ним, его субъективных переживаний. Так, в «Окаянных днях» И. Бунина можно найти яркие подтверждения этой мысли: «Наука, искусство, техника, всякая мало-мальски человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь – все погибло. Сожрали тощие коровы фараоновых тучных и не только не потучнели, а сами околевают!» [5, с. 156] (аллюзия на растолкованное Иосифом сновидение о семи тучных и семи тощих коровах), «Каиновой злобы» [5, с. 152], «Между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и ловляют людей. И народ Мой любит это. Слушай, земля: вот Я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их» [5, с. 71]. Причем в последнем случае приводится достаточно точная цитата из Библии, с комментарием «Изумительно» [5, с. 71]. Однако это грустное удивление буквальным совпадением ветхозаветной истории и ситуации в России 1918 года для читателя было продолжено имплицитным знанием текста через упоминание имени Иеремии. Особенно уместны в этом контексте слова Иеремии, которые И. Бунин не приводит, но они хорошо были известны эмигрировавшей интеллигенции: «Вспомни, Господи, что над нами свершилось; призири и посмотри на поругание наше. Обрати нас к Тебе, Господи, и мы обратимся; обнови дни наши, как древле» [6, с. 326].

В качестве примера библейских реминисценций можно привести и свободные ассоциации в «Воспоминаниях» Н. Тэффи, которая видит в кисловодских пастухах библейских персонажей (даже посох у них «библейский», а бараны напоминают

«кудри Суламифи»), как бы отыскивая в новой, опасно-незнакомой обстановке вечные, незыблемые ориентиры. Если принять во внимание то обстоятельство, что Моисей, Давид и многие ветхозаветные пророки вели пастушескую жизнь, то это говорит о неосознанном желании автора воспоминаний подчиниться воле пастыря, знающего, куда и как двигаться дальше заблудившемуся беженцу. Попутно заметим, что «колосс на глиняных ногах» также встречается в ироническом контексте у Н. Тэффи. Гетман – «это колосс, которого я должна поддерживать своими фельетонами» [7, с. 339]. Тем самым подчеркивается зыбкость положения новой власти в конкретный исторический период. Однако еще ярче раскрывается через эту аллюзию автор, явно преувеличивающий свое значение в культурной жизни бывшей Российской империи, пусть даже выражая это через постороннее мнение. Однако именно для представителей этой группы характерна и вторая особенность: они могут рефлексировать или не рефлексировать над своим мироощущением, однако главной для них оказывается этическая сторона веры, поэтому в критических ситуациях – личностных и социальных – они поступают в русле христианской традиции. Юная княжна Зинаида Шаховская кормит последним хлебом умирающую от голода женщину, обиравший больным красноармейцем И. Савин жалеет своего классового врага, брат А. Семенова-Тян-Шанского учится смирению у заключенных.

Выделим в отдельную группу тех представителей эмиграции, у которых вопросы веры интерферированы служением (Н. И. Ильинская обозначает такой тип религиозно-поэтического сознания как традиционно-догматический). В эту группу входят теологи высокого полета – философы, автобиографическая проза которых генетически восходит (возможно, неосознанно) к «Исповеди» Блаж. Августина. Они обращаются к жанру проповеди, который может быть представлен в газетной или журнальной публикации или в философском эссе, статье. Вторая категория – практики. Они всегда выступают на фоне своей аудитории, и их проповеди – отчасти двойной портрет – аудитории, чьим запросам они следуют, и самого проповедника, который ориентирует свои слова в соответствии с церковными службами. Это косвенный портрет священника-эмигранта, характерная черта его – автолиризм, что дает нам возможность говорить о косвенном автобиографизме.

Третья группа писателей – те, кто в условиях эмиграции утратил веру в незыблемость и справедливость христианского мироустройства. Они были воспитаны в христианской традиции, в круг их чтения входили произведения не столько религиозных философов, сколько наставления подвижников и мучеников – Феофан Затворник и Серафим Саровский были авторитетом для человека конца XIX – начала XX века, они приобретают статус неявных духовных учителей в эмиграции, когда сохранение своей культуры переплеталось с сохранением своей веры. Эта группа эмигрантов стремится к инновационным взглядам на веру, обусловленным условиями проживания на чужой территории.

Отметим, что эмигрантская публицистика неоднократно обращалась к личности Преподобного Сергия Радонежского. По мысли Е. Н. Трубецкого (во многом сходной с высказываниями П. Флоренского), притягательность этого образа заключена в идее преодоления ненавистного разделения мира. Это разделение эмигранты остро ощутили на своей судьбе, когда дифференциация и сепарация шли по человеческим

судьбам и семьям, истории личностной и социальной. Можно добавить, что даже у православно-центристских художников представлены различные стратегии изображения автобиографического героя. Если светский писатель ориентируется на культурно-религиозную традицию и личную веру для создания авторского мифа, авторской картины мира, то православный писатель актуализирует молитвенно-аскетический и религиозный опыт для изложения вероисповедальных истин.

Сопоставляя различные константы автобиографической прозы, уместно выделить следующие образы, нашедшие отражение в автобиографической прозе различных жанров. В качестве прецедентных фигур выделим следующие группы:

- ветхозаветные пророки: Иеремия, Каин, Исав, Иосиф;

- российские святые: Александр Невский, Св. Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, Сергей Радонежский;

- подвижники как духовные наставники и авторитеты: Л. Н. Толстой, брат Леонид, отец Анатолий. К данному списку авторитетов примыкает значимая группа православных святынь: Оптина пустынь, Киево-Печерская лавра («это сердце богомольной Руси») [7, с. 349].

В автобиографической прозе указанных авторов мы не смогли выделить субконцепт «рая», связанный с синхрон-картинами. Согласно Библейской энциклопедии, Рай – Эдем (приятность, сладость), «означенное слово употребляется также и для означения всякой местности, замечательной по своей красоте и плодородию» [6, с. 213]. Очевидно, ни одна из стран – ни оставленная Россия, ни ее Юг, ни тем более страны Европы – уже не воспринимались беженцами как нечто радостное или приятное. В то же время субконцепт «рай» прослеживается в той части воспоминаний, которая посвящена детству – В. Набоков, М. Осоргин ностальгически подчеркивают тяжелую для взрослеющей личности утрату покоя и безмятежного счастья ранних лет. Тем самым «рай» выступает частотным атрибутом ретрокартин, особенно детских.

Казалось бы, ближе всего для изгнанников эпизод исхода из Египта (не случайно даже общеупотребительное название первой волны эмиграции – «исход»), но эта реминисценция не частотна, так как эмиграция четко разграничивает «возвращение на родину (землю обетованную)» и «бегство с родины». Различный контекст и адресность исхода не позволяют эмигрантам актуализировать указанную параллель. Однако этически вектор «бегства» оказывается связан с переосмыслением эпизода спасения Лота. В частности, Н. А. Тэффи уподобляет себя Лотовой жене, когда прощается с родиной: «как жена Лота, застыла, остолбенела навеки» [7, с. 446]. Превращение жены Лота в соляной столб («остолбенела») было наказанием за преступление – непослушание Бога и пристрастие к жилищу разврата. У Н. А. Тэффи этот образ дан в совершенно ином ключе, который оказывается типологически сходным с трактовкой А. Ахматовой. Свою связь с прошлым, с оставленным домом они персонифицируют в библейском образе.

В добавление к вышесказанному можно назвать и другую параллель – Ноев ковчег. Так, один из городов уподобляется последней надежде спасающихся от стихии народного бунта, случайному и не очень надежному приюту: «Так, вероятно, дружно обнюхиваясь, страдали от качки впервые встретившиеся семь пар чистых с

семью парами нечистых в Ноевом ковчеге» [7, с. 330]. Возможно, растерянность и полная зависимость от воли Бога в данной ситуации оказались близки и неопределенной эмигрантской судьбе.

ВЫВОДЫ

Можно сделать вывод, что Библия и жития святых появляются в литературе первой волны русской эмиграции не стихийно. Прощание с родиной вызывает у писателей различные ассоциации, однако они отнесены в основном к ветхозаветным временам. Это не демонстрация эрудиции, а, скорее, подсознательное ощущение грандиозности происходящего, глубинного изменения исторических событий – И. Савин назовет пореволюционный период «те воистину голгофские года» [8, с. 139], сочетая в этом эпитете ощущение ужаса от происходящего и обновление, изменение нравственных первооснов тех, кто оказался втянутым в этот конфликт.

Список литературы

1. Мегрелишвили Т. Г. Функционирование библейских метафор изгнания / исхода в мемуарном дискурсе (на материале мемуарных текстов русской эмиграции "первой волны") / Т. Г. Мегрелишвили // Филологический класс. – 2019. – № 1 (55). – С. 44–50.
2. Кознова Н. Н. Своеобразие повествовательных форм в мемуарной прозе русского зарубежья / Н. Н. Кознова // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. филология. – СПб., 2008. – № 2 (12). – С. 56–64.
3. Рымаренко А. А. Религиозное состояние эмиграции в Германии / Протоиерей о. Адриан Рымаренко. – Мюнхен: Изд-во православного детского дома «Милосердный самарянин», [1925]. – 18 с.
4. Шаховская З. А. Таков мой век / З. А. Шаховская. – М.: Новый путь, 2007. – 267 с.
5. Бунин И. Окаянные дни / И. Бунин. – М.: Сов. писатель, 1990. – 416 с.
6. Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия: В 4 вып. / Труд и издание архим. Никифора. Вып. 1–4 А–Е. – М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. – 903 с. – (Репринтное издание).
7. Тэффи Н. Ностальгия: рассказы, воспоминания / Н. Тэффи. – Л.: Худож. лит., 1989. – 450 с.
8. Крымский альбом: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. – Феодосия; Москва: Изд. дом «Коктебель». – 1998. – Вып. 3. – 237 с.

References

1. Megrelishvili T. G. *Funkcionirovanie Biblejskih Metafor Izgnaniya / Iskhoda v Memuarnom Diskurse (na Materiale Memuarnyh Tekstov Russkoj Emigracii "Pervoj Volny")* [Functioning of Biblical Metaphors of Exile/Exodus in Memoir Discourse (Based on the Memoir Texts of the Russian Emigration of the "First Wave")]. *Filologicheskij Klass*, 2019, no. 1 (55), pp. 44–50.
2. Koznova N. N. *Svoeobrazie Povestvovatel'nyh Form v Memuarnoj Proze Russkogo Zarubezh'ya* [Originality of Narrative Forms in the Memoir Prose of the Russian Abroad]. *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina. Ser. Filologiya*, 2008, no. 2 (12), pp. 56–64.
3. Rymarenko A. A. *Religioznoe Sostoyanie Emigracii v Germanii* [Religious State of Emigration in Germany]. Myunhen: Pravoslavnogo Detskogo Doma «Miloserdnyj Samaryanin» Publ. [1925], 18 p.
4. Shahovskaya Z. A. *Takov Moj Vek* [This is my Age]. Moscow: Novyj put' Publ., 2007, 267 p.

5. Bunin I. *Okayannye Dni* [Cursed Days]. Moscow: Sov. pisatel' Publ., 1990, 416 p.
6. *Illyustrirovannaya Polnaya Populyarnaya Biblejskaya Enciklopediya: v 4 Vyp.* [Illustrated Complete Popular Bible Encyclopedia: in 4 Vols]. Moscow: A. I. Snegirevoj Publ., 1891, 903 p.
7. Teffi N. *Nostal'giya: Rasskazy, Vospominaniya* [Nostalgia: Stories, Memories]. Leningrad: Hudozhestvennaya literatura Publ.: Leningr. otd-nie, 1989, 450 p.
8. *Krymskij Al'bom: Istoriko-Kraevedcheskij i Literaturno-Hudozhestvennyj Al'manah* [Crimean Album: Local History and Literary and Artistic Almanac]. Feodosia; Moscow: Izdatel'skij dom «Koktebel'» Publ., 1998, us. 3. 237 p.

THE BIBLICAL MOTIFS IN THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF THE FIRST WAVE OF THE RUSSIAN EMIGRATION (THE ANALYSIS OF ALLUSIONS AND QUOTATIONS)

Reznik O. V., Chepurina I. V., Shilova L. V.

This article presents an attempt of the system of the allusive series of the autobiographical prose from the point of view of the ideological dominants. The special attention is paid to the memory-centric vector of this segment of literature, the classification is proposed in which the image of the Father is considered as the fundamental concept - from the Heavenly Father to the earthly father. The sources are the memoirs of the variety of authors - from the priest Fr. Adrian (Rymarenko) to Z. Shakhovskaya, V. Nabokov. The researchers note that all writers significantly enrich the traditions of the Russian classical literature, find the moral support in Faith in the conditions of the emigration. The concept of "the Paradise" correlates with the pictures of childhood; it cannot find the reflection in the real, synchronous life in any topographic image. The images of "Noah's Ark", "Golgotha", "Lot's Wife", which acquire the new meaning in the emigrant historical context, are considered separately. The ascetic and martyr positions are presented most frequently, which makes it possible to highlight the individual view of the authors in the general, typical picture of the world.

This article inquires into the role of religious view in formation of emigrant world pattern. It is also mentioned, that for the masses to access of biblical figures has become a psychological protection, a retrieval of coincidence of the history in Old Testament and the situation in Russia. I. Bunin, N. Taffy and others in their free association apply to biblical figures, at the same time the ethical aspect of trusting in God has kept a dominant. In clergymen's works it may be mentioned the indirect autobiographism but it is the preach has come-to-be a key genre.

Keywords: the Christian motives, the memoircentrism, the autobiographical prose, the first wave of the Russian emigration, the biblical reminiscences, the image of the Father, the moral support.